

**Открытое заседание отдела кавказских
языков Института языкознания РАН,
посвященное теме «М.Е. Алексеев и
перспективы дагестанского языкознания»**

23 октября 2014 г. в Москве состоялось открытое заседание отдела кавказских языков Института языкознания РАН, посвященное теме «М. Е. Алексеев и перспективы дагестанского языкознания». Заседание прошло накануне 65-летия Михаила Егоровича Алексеева, заведовавшего отделом на протяжении многих лет и скончавшегося в мае этого года. С докладами выступили коллеги и друзья ученого как из его института, так и из других учреждений Москвы, где занимаются изучением кавказских языков.

Открывая заседание, директор ИЯз РАН, чл.-корр. В.М. Алпатов, отметил, что М.Е. Алексеев был человеком, у которого выбор профессии и выбор специализации произошел очень быстро. В старшей школе он дважды (в 1966 и 1967 гг.) становился призером олимпиад по языковедению и математике, проводимых в МГУ им. М.В. Ломоносова отделением структурной и прикладной лингвистики, и после окончания школы поступил на это отделение. Уже в студенческие годы, заинтересовавшись во время летних лингвистических экспедиций ОСиПЛа дагестанскими языками, он выбрал именно их в качестве основного объекта исследования и оставался верен своему выбору все последующие годы. Окончив аспирантуру Института языкознания, он был принят в штат отдела кавказских языков, пройдя затем все ступени должностной лестницы от младшего научного сотрудника до заведующего отделом (и одновременно заместителя директора института по научной работе). М.Е. Алексеева с полным правом можно было назвать лидером отечественного кавказоведения, при этом его отличал широкий круг интересов: ему принадлежат

исследования и по компаративистике, и по типологии кавказских языков, и работы чисто описательного характера, посвященные конкретным языкам Дагестана. «Что касается его личных качеств, — сказал, завершая свое выступление, В.М. Алпатов, — я скажу только одно: он был добрым человеком. Не так много людей я знал столь добрых, как он».

В докладе «М.Е. Алексеев и сравнительно-историческое изучение дагестанских языков» заведующий отделом кавказских языков, д.ф.н. Я.Г. Тестелец также подчеркнул, что М.Е. Алексеев относился к редкому типу лингвистов, которые одинаково легко чувствуют себя и в описательной лингвистике, и в типологии, и в сравнительно-историческом языкознании, причем успешно работают во всех трех областях. В области сравнительно-исторического исследования морфологии и синтаксиса нахско-дагестанских языков М.Е. Алексеев фактически достиг максимальных результатов, возможных на нашем нынешнем уровне знаний, так что дальнейший прогресс в этой области может быть связан с либо с углубленной реконструкцией на уровне мелких языковых групп, либо с принципиально новыми методами реконструкции грамматических структур, если такие методы будут обнаружены. Свои взгляды на методологию компаративистических исследований М.Е. Алексеев наиболее полно изложил в статье 1986 г.¹, и в дальнейшем он сам полностью выполнил сформулированную им программу — сначала на уровне таких крупных дагестанских ветвей, как лезгинская и аваро-андо-цезская², а затем и на общевосточнокавказском уровне в обобщающей монографии 2003 г. по морфологии

¹ Алексеев М.Е. О методике сравнительно-исторических исследований (на материале дагестанских языков) // Актуальные проблемы дагестанско-нахского языкознания. Махачкала, 1986. С. 114–143.

² Сравнительно-историческая грамматика лезгинских языков: Морфология. Синтаксис. Москва, 1985; Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. Москва, 1988.

имени³. Выдающимися можно считать и его достижения в области этимологии в рамках их совместной с С.А. Старостиным работы по реконструкции пралезгинского словаря. Заслугой М.Е. Алексеева, в частности, является то, что он показал возможность продуктивного этимологического анализа идеофонической лексики, которая нередко исключается из процедуры реконструкции.

Доклад старшего научного сотрудника отдела кавказских языков, к.ф.н. Д.С. Ганенкова «Эволюция падежного маркирования субъекта экспериенциальных предикатов в нахско-дагестанских языках» также касался диахронической проблематики. Как известно, для языков нахско-дагестанской семьи характерно наличие, наряду с обширными классами непереходных и переходных глаголов, небольшой группы глаголов, субъект которых (экспериенцер) оформлен дативом или одним из локативных падежей (в этом случае нередко говорят о «неканоническом» маркировании субъекта). Как правило, к таким предикатам относятся 'видеть', 'слышать', 'знать', 'находить', 'забывать', 'любить', 'хотеть' и нек. др. Класс экспериенциальных глаголов, по-видимому, следует реконструировать и для правахско-дагестанского языка, хотя в нескольких языках произошла полная утрата особого экспериенциального кодирования. В докладе было показано, как данные современных языков позволяют выявить пути морфосинтаксического развития глаголов экспериенциального класса. Так, в удинском языке за последние несколько веков дативное падежное кодирование экспериенцера полностью утратилось всеми глаголами во всех диалектах, однако в варташенском диалекте оно сохранилось в системе личного субъектного согласования (особая серия личных клитик): это говорит о том, что неканоническое согласование диахронически более стабильно, чем неканоническое падежное маркирование. Сравнение же нескольких

---

³ Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. Москва, 2003.

языков даргинской группы (говоры сс. Чираг, Худуц, Танты, Губден и др.) позволяет предположить, в какой последовательности утрачивают экспериенциальное маркирование конкретные глагольные лексемы. Так, если глагол 'хотеть' сохраняет дативный субъект во всех исследованных идиомах, а глаголы 'знать' и 'понять' — в большинстве из них, то глагол 'находить' имеет обязательно дативное кодирование субъекта только в чирагском, еще в ряде языков отмечается вариативность дативного и эргативного оформления, а в двух идиомах при этом глаголе допустим уже только субъект в эргативе. Различные глаголы экспериенциального класса, тем самым, образуют своего рода иерархию с точки зрения диахронической стабильности неканонического оформления субъекта.

В докладе к.ф.н. М.А. Даниэля (НИУ ВШЭ / ОТиПЛ МГУ) «Еще раз о лице: арчинские и даргинские данные (с некоторыми параллелями)» речь шла о неожиданной модели классного согласования личных местоимений. В арчинском языке номинативный аргумент в единственном числе контролирует согласование по одному из четырех именных классов, двум личным («мужскому» и «женскому») и двум неличным; во множественном числе противопоставляются только два класса, личный и неличный. При этом местоимения множественного числа 'мы' и 'вы' контролируют согласование не по личному классу (как можно было бы предположить, поскольку именно к нему относятся референты, обозначающие людей), а по неличному, что ставит вопрос о мотивации подобного выбора и о его теоретическом осмыслении. Аналогичная модель согласования отмечается и в некоторых других языках — в чеченском и ингушском (нахская группа) и в ряде даргинских. Особенностью такого «локутивного» согласования в арчинском и даргинских языках является то, что контролером согласования может быть не только личное местоимение множественного числа, но и именная группа с аналогичной референцией (например, в позиции обращения), что указывает на дискурсивно-прагматическую, а не

лексическую (как ожидалось бы для классного согласования) природу данного механизма.

Доклад главного научного сотрудника отдела кавказских языков, д.ф.н. Р.О. Муталова «Детализация пространства в ицаринском даргинском: наречия места и превербы» был посвящен семантике языковых единиц, указывающих на направление движения или местоположение объекта в пространстве. В ицаринском языке даргинской группы выделяется 15 пространственных наречий, причем они дифференцируют расположение объекта как по горизонтальной или вертикальной плоскости, так и по сторонам света, а также по положению относительно говорящего или адресата. Базовое значение в этих наречиях передается начальным согласным: $ч/л$ = 'вверх / в северную сторону', $гь$ = 'вниз / в южную сторону', $т$ = 'в восточную/западную стороны', $ж$ = 'к говорящему', $л$ = 'к собеседнику'. Семантику же направления в зависимости от положения по горизонтали или вертикали несут последующие гласные: $=u$ = 'вверх', $=e$ = 'в сторону', $=y$ = 'вниз'. Для большей конкретизации направления пространственные наречия могут функционировать и в сочетаниях друг с другом; первый компонент такого сочетания обычно стоит в аблативе (обозначая исходную точку), второй — в лативе или аллативе (указывает на конечную точку). В целом, использование данных наречий в сочетании с глаголами, которые в свою очередь также содержат пространственные показатели (превербы), позволяет достигнуть высокой степени детализации при описании местоположения и направления перемещения объекта в пространстве.

Последний из представленных на заседании докладов был также посвящен даргинским языкам, однако совершенно другому аспекту их грамматического строя. В своем выступлении «Структура простых предложений с непереходным глаголом в тантынском диалекте даргинского языка» д.ф.н. Н.Р. Сумбатова (Институт лингвистики РГГУ) рассмотрела согласование в предложениях со связкой $=sa-j$ ($=sa-b$, $=sa-r$, $=sa-d$), последний согласный которой представляет собой показатель именного класса. Согласование связки по именному классу не вполне

тривиально: так, в независимых предложениях с аналитическими формами переходного глагола его по умолчанию контролирует эргативная (агентивная) именная группа, однако допустимо согласование по топикальной абсолютивной ИГ (паиенсу). Это заставляет предположить, что в обоих случаях предложение структурно представляет собой непереходную клаузу с вершиной-связкой, согласование которой контролирует «нулевая» абсолютивная группа; собственно глагольная клауза является уже зависимой от связки, ср. схему автора [NP_{ABS} [predication]=COP]. Анализ ряда других синтаксических контекстов — это, в частности, согласование причастия связки в позиции вершины относительного придаточного предложения, а также контроль простого рефлексива — показывает, что абсолютивная ИГ непереходного глагола, судя по всему, находится в структуре составляющих выше, чем любые другие ИГ, непосредственно подчиняющиеся глаголу. Это подтверждается и такими фактами, как утрата противопоставления по переходности в речи носителей младшего поколения (запрещающих непереходные предложения несовершенного вида с синтетическими глагольными формами без связки), а также устройство конструкции с внешним посессором, напоминающую в тантынском известную по многим нахско-дагестанским языками «биабсолютивную» конструкцию.

В целом, как показали прозвучавшие на заседании доклады, исследования по дагестанским языкам проводятся московскими лингвистами вполне активно — причем как в направлениях, непосредственно связанных с научным вкладом М.Е. Алексеева, так и в новых областях, в том числе ориентированных на формальное описание синтаксических структур.

Майсак Т.А.

Майсак Тимур Анатольевич
Институт языкознания РАН
maisak@iling-ran.ru